

Э. А. Барышев

В данной статье автор вновь обращается к российско-японским дореволюционным отношениям и рассматривает фигуру известного японского дипломата Мотоно Итиро (1862–1918), чья деятельность знаменовала собой целую эпоху в истории двусторонних связей. На основании японских внешнеполитических материалов, воспоминаний дипломатов и публикаций «семейной газеты» клана Мотоно «Иомиури» автор анализирует личность этого государственного деятеля через призму японской дипломатии и двусторонних переговоров 1906–1907-х годов. Он попытается прояснить некоторые вопросы, связанные с характером отношений между Россией и Японией после русско-японской войны, и углубить понимание политического и социально-экономического развития Японии в это время.

Назначение Мотоно посланником в России

Окончание военных действий и подписание Портсмутского мирного договора поставило Россию и Японию перед необходимостью восстановления дипломатических и торгово-промышленных отношений, разорванных в начале февраля 1904 г. В этих условиях с конца ноября 1905 г. стороны начали предварительный взаимный зондаж относительно обмена дипломатическими представителями. Российская сторона вела переговоры через французских дипломатов, а японская сторона – через американских. Со времени войны французский посланник Жюль Арман (Jules Harmand, 1845–1921) представлял государственные интересы России в Японии, а американский посол Джордж Мейер (George von Lengerke Meyer, 1858–1918) – японские в России. В то же время важнейшими каналами двусторонней связи являлись относительно «прорусский» Париж и «прояпонский» Вашингтон. Японские дипломатические представители во Франции во главе с Мотоно оказались ближе всего к России, а российским представителям в США во главе с Романом Романовичем Розеном (1847–1922) выпала роль важного связующего звена в отношениях с Японией.

Еще в конце ноября 1905 г. министр иностранных дел Комура Дзютаро (1855–1911) предложил посланнику в Австро-Венгрии Макино Нобуаки (1861–1949) пост посланника в Петербурге. Отказ от своего назначения Макино объяснял тем, что был достаточно сильно скомпрометирован своей антироссийской деятельностью во время войны, и это не могло

укрыться от взора российских властей¹. В результате в начале следующего 1906 г. на должность японского посланника в России была предложена кандидатура Мотоно Итиро, имевшего опыт работы в Петербурге и весь период русско-японской войны находившегося во «французском тылу» России. В Париже Мотоно удалось наладить тесные отношения с представителями французского капитала, до сих пор щедро финансировавших российское предприятие в Маньчжурии, а сейчас постепенно поворачивающихся в сторону недавнего врага своего «неудачливого союзника» – Японии². О степени близости японского посланника к парижским политическим и экономическим кругам наглядно свидетельствует обращение премьер-министра и министра финансов Мориса Рувье (Maurice Rouvier, 1842–1911) через парижского финансиста Жака Гинцбурга (baron Jacques de Gunzburg)³ на имя японского посла в Лондоне Хаяси Тадасу (1850–1913) в начале января 1906 г. с просьбой оставить Мотоно в Париже. В письме Гинцбурга говорилось о том, что премьер Рувье дорожит своими дружескими отношениями с посланником Мотоно, выдержавшими испытание войной, и высоко ценит языковые способности Мотоно, способствующие взаимопониманию между сторонами⁴.

Тем не менее, несмотря на просьбу французской стороны оставить Мотоно в Париже, японское правительство решило отправить в Петербург именно его, о чем министр иностранных дел Като Такааки (1860–1926) сообщил ему в Париж 9 января 1906 г. Сам Мотоно новому на-

¹ Архив внешней политики Японии (далее – АВПЯ). № 6.1.5.8-6. Каккоку тюсацу тэйкоку коси нимэн дзаккэн: Рококу но бу (Дела относительно назначения и увольнения императорских посланников в разных странах), т. 2.

² Подробнее об отношениях Мотоно с французскими финансовыми кругами см.: Барышев Э. А. Мотоно Итиро (1862–1918) – «яркий представитель политики здравого смысла». – Япония 2009. Ежегодник, М., 2009, с. 331–341.

³ Один из заметнейших и загадочнейших представителей парижских банковских кругов, имевший непосредственное отношение к учрежденному в 1895 г. Французскому банку для Южной Африки (la Banque Française de l'Afrique du Sud) и близкий к группе Парижско-Нидерландского банка (la Banque de Paris et des Pays-Bas, Paribas). Сын ростовщика и интенданта российского императорского дома Иосифа (Евзеля) Габриэловича Гинцбурга (1812–1878), основавшего в 1859 г. в Петербурге крупнейший на тот момент в России банкирский дом «И. Е. Гинцбург» с филиалом в Париже. В начале 1870-х годов Гинцбурги за особые услуги дому Романовых были пожалованы баронским титулом, благодаря чему Жаку было разрешено поступить в Пажезский корпус и получить блестящее по тем временам светское и военное образование. Впрочем, по свидетельству А. А. Игнатьева (1877–1954), служившего перед революцией военным агентом во Франции, бывший участник русско-турецкой войны «под давлением англичан, а главное из жадности к наживе» участвовал в организации военного займа для Японии в самый разгар маньчжурской кампании (Игнатьев А. А. 50 лет в строю. М., 1986, с. 286–287). О деятельности клана Гинцбургов в России см. также: Барышников М. Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. СПб, 1998, с. 120–122; Ананьич Б. В. Банкирские дома в России, 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991, гл. III.

⁴ АВПЯ. № 6.1.5.8–6. Каккоку тюсацу тэйкоку коси нимэн дзаккэн: Рококу но бу (Дела относительно назначения и увольнения императорских посланников в разных странах), т. 2.

значению не противился: ему уже приходилось служить в Петербурге, и он хорошо был знаком с некоторыми его «космополитичными» представителями. Можно было предполагать, что связи Мотоно в Париже, установленные им во время русско-японской войны, создадут ему благоприятный ореол в светских кругах российской столицы. В отличие от других японских дипломатов, он не был скомпрометирован явной антироссийской деятельностью во время войны. Последнее, впрочем, определялось отнюдь не прорусской позицией Мотоно, а объективными обстоятельствами – существованием франко-русского союза и значительными симпатиями французского общества по отношению к России, – в силу чего японский посланник вынужден был прибегнуть к более сложной «иезуитской» тактике борьбы с Россией, иногда даже оплачивая кампанию во французской прессе «за скорейший мир между Японией и Россией», ставившей своей единственной целью срыв нового российского займа во Франции⁵. Царское правительство также не имело возражений против Мотоно. 23 января японский посланник в Вашингтоне Хиоки Эки (1861–1926) сообщил Токио о положительном ответе российской стороны. В этих условиях 26 января 1906 г. в Токио было официально объявлено о новом назначении в японском дипломатическом корпусе: посланник в Париже Мотоно переводился на новое место службы в Санкт-Петербург⁶.

Главная задача, которая стояла перед новым японским посланником в России, состояла в том, чтобы документально закрепить положения Портсмутского мирного договора в отношении особых прав Японии в Северном Китае и на российском Дальнем Востоке, а также подготовить международно-правовую почву для осуществления разграничения сфер влияния в Маньчжурии. К числу вопросов первостепенной важности относилось заключение нового торгового договора, рыболовной конвенции и соглашения о железнодорожном сообщении в Маньчжурии, в которых должны были быть четко прописаны завоеванные силой японского оружия права и преимущества. Вместе с тем необходимо было сгладить существующие противоречия между двумя странами и обезопасить тем самым будущее «континентальное» развитие Японии от возможных потрясений. Вожди «маленькой» Японии, не собиравшиеся отказываться от «трофеев» войны, все же боялись российской мощи и хотели некоторым образом «задобрить» российские политические и экономические круги, чтобы не стать объектом «мстительной войны»

со стороны России. Чрезмерные опасения высшего руководства Японии к возможному «реваншу» со стороны России и стремление создать мощный опорный пункт в Маньчжурии путем закрепления успехов войны рельефно отразились в «Памятной записке относительно послевоенного политического курса» («Сэнго кэйэй икэнсё») генерала-фельдмаршала Ямагата Аритомо (1838–1922), составленной им еще в августе 1905 г. и представленной на рассмотрение кабинета министров. Предположительно курс князя Ямагата и лег в основу дипломатической стратегии Японии на переговорах с Россией 1906–1907 гг.⁷

На переговорах главнейшим должен был стать вопрос морского промысла в российских дальневосточных водах. Требования японской стороны по данному вопросу в скором времени были изложены на страницах «Иомиури», тесно связанной с «прогрессистами» во главе с графом Окума Сигэнобу (1838–1922), с одной стороны, и поддерживаемой руководством компании «Мицуи Буссан» – с другой. В выпуске газеты от 14 января 1906 г. вместе с предположениями о назначении Мотоно на пост посланника в Петербурге в отношении будущего России и Японии говорилось: «Следующей после улаживания дел с Китаем задачей являются переговоры с Россией, должны охватить собой все вопросы, связанные с управлением Маньчжурией, правами рыболовства, пересмотром границы на Сахалине и заключением нового торгового договора»⁸. Нужно обратить внимание, что внешнеполитическая программа сил, стоявших за «Иомиури» и традиционно находившихся в оппозиции правительству, как ни странно, не чуралась националистических лозунгов. В программной статье «Права рыболовства в Приморской области», помещенной 10 февраля, критиковалась близорукая и поверхностная позиция бывшего министра иностранных дел Комура на переговорах в Портсмуте, якобы не сумевшего добиться признания действительных прав японцев на рыбную ловлю в российских водах, и возлагалась надежда на то, что Мотоно и его помощникам все-таки удастся зафиксировать в новой конвенции права Японии на рыболовство в морских водах Приморской области, включая право промысла по ее «побережью, заливам, бухтам и губам». По всей видимости, крупный капитал в лице «Мицуи» также был кровно заинтересован в получении доступа к «неисчерпаемым богатствам этого края», на которые обращала свое внимание газета «Иомиури»⁹. В этом смысле

⁷ Мотоно Мориюки. Нихон гайко сики (Частные записки о японской дипломатии), с. 18. – Гайко форум (Дипломатический форум), 1994, октябрь, с. 84; Ямагата Аритомо икэнсё (Памятные записки Ямагата Аритомо). Токио: Мэйдзи хякунэн-си сосё, 1966, с. 177–190.

⁸ Нитиро но косё (Японо-русские переговоры). – Иомиури симбун, 14.01.1906, № 10268, с. 2.

⁹ Рококу коси но фунин то гёгёкэн (Отправляющийся на место службы в Россию японский посланник и права рыболовства). – Иомиури симбун. 02.02.1906, № 10287, с. 2; Энкай-сю гёгёкэн: Донсю но сакана о морасу (Право рыболовства в Приморской области. Упускаем из своих рук громадную добычу). – Иомиури симбун, 10.04. 1906, № 10295, с. 1.

⁵ Подробнее об этом см.: Барышев Э. А. Мотоно Итиро (1862–1918) – «яркий представитель политики здравого смысла». – Япония 2009. Ежегодник, с. 334–339.

⁶ Нихон гайко бунсё (Японские дипломатические документы – далее НГБ). 1906, кн. 1. Токио, министерство иностранных дел Японии, 1959, с. 353–354, 357, 361; АВПА. № 6.1.5.8–6. Каккоку тосацу тэйкоку коси нимэн дзаккэн: Рококу но бу (Дела относительно назначения и увольнения императорских посланников в разных странах), т. 2; Тюро коси нимэй (Назначение посланника в России) – Иомиури симбун, 28.01. 1906, № 10282, с. 2.

вопрос рыболовства не был разрешен удовлетворительным образом Портсмутским договором, и Япония стремилась «дожать» российское правительство.

Еще одним вопросом, требовавшим быстрее разрешения для Японии, являлась проблема расчета за содержание военнопленных. Как известно, около 70 тыс. российских солдат и офицеров оказались в плену, где многим из них пришлось провести долгие месяцы в специально созданных по всей территории Японии лагерях. Японское руководство уделяло большое внимание вопросу содержания российских военнопленных, исходя из соображений политической целесообразности: гуманное обращение должно было добавить ореола к «японской цивилизованности» и, кроме того, принести свои экономические дивиденды. К концу февраля 1906 г. обмен военнопленными был закончен, и японская сторона подсчитывала сумму понесенных ею расходов. «Иомиури» обозначала ее равной примерно 80 млн. иен, что составляло более 1 тыс. иен в расчете на одного пленного. Ведение окончательных переговоров по данному вопросу, в условиях огромного внешнего долга и дефицита бюджета, имевшему для японского правительства существенное значение, также возлагалось на посланника Мотоно¹⁰.

8 февраля из Парижа в Петербург для подготовки условий к дипломатической работе был направлен переводчик миссии Тано Ютака, выпускник Токийской школы иностранных языков, имевший опыт работы в Петербурге в предвоенные годы. 24 февраля в здании миссии в Париже был устроен грандиозный прощальный вечер, на который были приглашены ведущие представители политического и финансового мира Франции, начиная с премьер-министра Рувье. Мотоно уступал свое место бывшему посланнику в Петербурге Курино Синъитиро (1851–1937), уже имевшему опыт работы в Париже до прибытия туда Мотоно. Ирония судьбы состояла в том, что перевод для Мотоно сопровождался как бы понижением в должности: после того, как в декабре 1905 г. британское правительство сообщило в Токио о своем согласии повысить статус дипломатических миссий до ранга посольства, такое же решение было принято правительствами других европейских держав, однако дипломатические отношения с Россией в то время вообще отсутствовали, поэтому вопрос о повышении статуса дипломатических представительств пока не ставился. Сам Мотоно, много сделавший для нейтрализации франко-русского союза и переориентации французского капитала с России на Японию, отправился в Россию 7 марта 1906 г. в сопровождении своих помощников с парижского вокзала на Восток. Дипломатов прово-

¹⁰ Хорё кюё-хи кэссан кёсё (Переговоры о расчетах по расходам на содержание военнопленных). – Иомиури симбун, 02.03.1906, № 10315, с. 2. О переговорах по этому вопросу см.: *Маринев В. А.* Россия и Япония перед первой мировой войной. М., 1974, с. 26–27. В конечном счете, российское правительство согласилось выплатить Японии компенсацию в размере примерно 46 млн. руб.

жал цвет французского общества, рассматривавшего Мотоно в качестве одного из главных «виновников» установившейся франко-японской дружбы. Ведущие газеты Франции, такие как «Эко де Пари» и «Фигаро», поместили в этот день на своих страницах пространные интервью с отбывающим японским посланником¹¹.

Для встречи почетного гостя к русско-германской границе – на станцию Вержбилово – по распоряжению царского правительства был отправлен особый экспресс, на котором Мотоно и его спутники прибыли в Санкт-Петербург 9 марта 1906 г. На вокзале его встречали дипломатические представители Соединенных Штатов – посол Мейер со вторым секретарем посольства Блиссом. С вокзала полномочный представитель Японии отправился в уже знакомое ему здание японской миссии, располагавшееся в доме на Французской набережной¹². Уже в день прибытия Мотоно направил письменное обращение к министру иностранных дел Владимиру Николаевичу Ламсдорфу (1845–1907), сообщив о своем прибытии и желании скорейшей встречи с министром. Ламсдорф принял японского посланника на следующий день, в субботу, и указал на необходимость оставить позади прошлые обиды, начать работу в направлении будущих добрососедских отношений между двумя странами в виду общих интересов на Дальнем Востоке. Он предложил посланнику посетить в ближайшие дни устраиваемый им вечер. Через несколько дней Мотоно присутствовал на рауте у министра иностранных дел, где имел возможность обменяться мнениями о будущем российско-японских отношений с председателем совета министров Сергеем Юльевичем Витте (1849–1915)¹³.

Поражение России в войне с Японией было свершившимся фактом, поэтому руководство России, начиная с императора, понимало, что необходимы усилия по нормализации отношений с «дальневосточной соседкой». В этих условиях российская сторона пошла на признание статуса японского посланника без формального обряда вручения верительных грамот, оказывая тем самым особое расположение по отношению к Японии. Аудиенция в царском дворце, означавшая фактическое

¹¹ Мотоно коси Пари о сару (Посланник Мотоно оставляет Париж). – Иомиури симбун, 07. 05.1906, № 10381, с. 2. *Marcel Hutin. P. P.* C. Chez M. Motono: A la veille de son départ pour Pétersbourg, l'ambassadeur du Japon fait d'intéressantes déclarations à l'interviewer de l'Echo de Paris, L'Echo de Paris, № 7939, 07. 03. 1907, p. 1; *Maurice Leudet.* Les Adieux d'un Diplomate: Conversation avec M. Motono. – Le Figaro, № 66, 07.03. 1906, p. 3; Le Depart de M. Motono. – Le Temps, № 16331, 08.03. 1906, p. 2. Подробнее о роли Мотоно по размещению японского займа на французском финансовом рынке см.: *Барышева Э. А.* Мотоно Итиро (1862–1918) – «яркий представитель политики здравого смысла». – Япония 2009. Ежегодник, с. 339–341.

¹² Рококу сэйфу но кои (Благорасположение российского правительства). – Иомиури симбун. 13.03. 1906, № 10326, с. 1; *Japanese Envoy in Russia: Minister Motono Welcomed in St. Petersburg by Our Ambassador.* – The New York Times. 10.03.1906.

¹³ НГБ. 1906 год. Токио, министерство иностранных дел Японии, т. 2., 1959, с. 651–653.

признание Мотоно в качестве полномочного представителя Японии, состоялась в полдень 22 марта 1906 г. В царском кабинете дворца посланник был принят августейшей четой, встречавшей его сидя в креслах. Российский монарх поздравил посланника с назначением и выразил надежду на то, что «после окончания войны Россия и Япония будут настолько же искренними друзьями, насколько благородными противниками они были во время войны». Со своей стороны посланник поблагодарил императора за устроенную ему в особом порядке аудиенцию и выразил уверенность в том, что укрепление искренних и дружественных отношений между странами является насущной необходимостью для обеих сторон. Что касается верительных грамот, то они прибыли в Петербург 13 апреля с первым секретарем миссии Отиай Кэнтаро (1870–1926)¹⁴, входившего в состав японской делегации на Портсмутской конференции, и были переданы императору через министра иностранных дел¹⁵.

Мотоно прибыл в Петербург во время значительных преобразований в области российского государственного устройства. Как известно, обнародованный 17 октября 1905 г. Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» возвещал о коренных изменениях во всей системе самодержавной власти, предполагая создание совещательного законодательного органа, а опубликованный через два дня Высочайший указ Правительствующему сенату «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений» предполагал реформирование системы исполнительной власти. Введение должности председателя совета министров и наделение его широкими полномочиями в значительной степени изменило организацию высшей исполнительной власти в России. Юридическое обособление Совета министров от императора означало ослабление его влияния на деятельность правительства. Из ведения председателя Совета минист-

¹⁴ Дипломат из провинции Сига. В 1895 г. после окончания юридического факультета Токийского университета поступил на службу в МИД. Сначала был назначен помощником японского консула в Сеуле. С 1897 по 1899 г. исполнял обязанности атташе при японской миссии в Петербурге. В 1900–1901-х годах – третий секретарь, в 1902 г. – второй секретарь при той же миссии. Входил в состав японской делегации на мирных переговорах в Портсмуте в качестве помощника полномочного представителя Японии Комура Дзютаро, где проявил блестящие способности дипломата и переводчика, в полной мере используя свое знание русского языка. После русско-японской войны он вновь вернулся в Санкт-Петербург. В 1906–1911-х годах Отиай занимал пост первого секретаря, советника (миссии, а затем посольства), исполнял обязанности главы посольства в отсутствие Мотоно. Впоследствии служил послом в Италии, Голландии. Умер во время исполнения служебных обязанностей при возвращении в Японию из Шанхая.

¹⁵ НГБ. 1906, т. 2, с. 653–654; АВПЯ. № 6.1.5.8–6. Каккоку тюсацу тэйкоку коси нинмэн дзаккэн: Рококу но бу (Дела о назначении и увольнении императорских посланников в разных странах), т. 2; Рококу но когу (Российский теплый прием). – Иомиури симбун. 21.03.1906, № 10334, с. 2; Мотоно коси сикаку сёнин (Признание статуса посланника Мотоно). – Иомиури симбун. 31.03.1906, № 10344, с. 2.

ров были выведены лишь главы Военного и Морского министерств и МИДа, а также Министерства императорского двора, подчиненные непосредственно императору. Министерство финансов, в свою очередь, было поставлено формально под контроль председателя Совета министров и стало ответственным перед Государственной Думой. Вследствие всего изложенного выше, Совет министров утратил значение совета при императоре с исключительно совещательными функциями.

В мае 1906 г. в России разразился политический кризис, и первый реформированный Совет министров под председательством С. Ю. Витте, знаменовавшего собой целую эпоху в истории государства, ушел в отставку. На смену ему был образован Совет министров во главе с Иваном Логгиновичем Горемыкиным (1839–1917). Новым министром иностранных дел вместо Ламсдорфа был назначен Александр Петрович Извольский (1856–1919), сторонник европейской ориентации во внешней политике России. Кроме того, 10 мая в Зимнем дворце Петербурга в присутствии императора состоялась церемония открытия нового представительного законодательного органа России – Государственной думы, после чего депутаты отправились в Таврический дворец и приступили к первому рабочему заседанию¹⁶. Иными словами, наблюдался кардинальный процесс либерализации государственной системы, когда к власти приходили силы, склонные к изменениям, как во внутренней, так и во внешней политике страны.

Экономические требования японской дипломатии и усилия Мотоно

К весне 1906 г. появились определенные условия для начала дипломатических переговоров между двумя странами. Японское министерство иностранных дел, в частности, Торговое управление ведомства, возглавляемое набиравшим силу молодым дипломатом Исии Кикудзиро (1866–1945), подготовило к этому времени проекты новых договоров о торговле, мореплавании и рыболовной конвенции, представив их 14 апреля 1906 г. на рассмотрение кабинета министров. После одобрения кабинетом и утверждения императором 6 июня новый министр иностранных дел, только что вернувшийся из Лондона Хаяси Тадасу, направил проекты в Петербург Мотоно. В своей инструкции посланнику Хаяси прямо указывал, что *заключение рыболовной конвенции имеет для японского государства первостепенное значение, и что каждый день промедления означает потерю полученных Японией в результате войны прав и преимуществ* (здесь и далее курсив автора. – Э. Б.). Вместе с тем подчеркивалось, что, по логике вещей, заключение общеторгового договора должно предшествовать подписанию особой рыболовной конвенции. Что же касается порядка ведения переговоров и согласо-

¹⁶ Рококу гикай кайин-сики (Церемония открытия российского парламента). – Иомиури симбун. 12.05. 1906, № 10386, с. 1.

ванности переговоров по торговому договору и рыболовной конвенции, посланнику Мотоно предоставлялся полный карт-бланш¹⁷.

В специальных пояснениях, сделанных для Мотоно министром иностранных дел к тексту проекта торгового договора и прилагаемых к нему документов, в частности, говорилось, что: 1) положение о товарах с Ляодунского полуострова (о беспошлинном вывозе их на российский Дальний Восток) ставит своей целью *развитие японской промышленности в Квантунской области Южной Маньчжурии и укрепление позиций ЮМЖД*; 2) снижение пошлин и сборов для получения японцами паспортов необходимо для *более упрощенного въезда японских подданных на российский Дальний Восток и «для укрепления двусторонних связей в области торговли и рыболовства»*; 3) высказывалась надежда на то, что *российская сторона не будет противиться признанию за Японией права на судоходство по Амуру, уже фактически признанного китайским правительством*. Важно при этом отметить, что главнейшие для Японии пункты требований были зафиксированы не в проекте торгового договора, а в прилагаемых к нему Протоколу и двух дипломатических нотах.

В отношении текста рыболовной конвенции, во-первых, была сделана специальная оговорка, касающаяся проекта 1-й статьи рыболовной конвенции, в которой японская сторона требовала предоставить ей *«право рыбной ловли и добывания всякого рода рыбы и продуктов моря»* (*“le droit de pêcher et de prendre toutes espèces de poissons et produits aquatiques”*) по всему российскому побережью Японского, Охотского и Берингова морей *«за исключением тех рек и губ, которые предоставлены туземным племенам»* (*“à l'exception des rivières et des anses qui sont réservées aux races indigènes”*). Особое внимание при этом обращалось на право рыболовства в реках и бухтах российских территориальных вод, в частности, на необходимость добиться права морского промысла в низовьях Амура и в Амурском лимане, не допустив их изъятия из объекта соглашения вследствие широкого толкования российской стороной термина «губа» (*«anse»*)¹⁸. В ведении переговоров о заключении торгового договора и рыболовной конвенции посланнику Мотоно должен был помогать участник Портсмутской мирной конференции, первый секретарь Отиай.

Российская сторона в целом выказывала готовность идти на компромисс в вопросах, непосредственно не касающихся безопасности ее дальневосточных владений, однако из тактических соображений затягивала переговоры, пока могла себе это позволить¹⁹. Несмотря на не-

приемлемость некоторых положений Протокола и дипломатических нот, касающихся торгового договора, Россия была готова согласиться на частичные уступки Японии на принципах «взаимного благопритствования» и не собиралась конфликтовать с «дальневосточной соседкой» из-за этих вопросов. Царское правительство трезво оценивало свои силы на Дальнем Востоке и отдавало себе отчет в том, что придется потесниться. Вопросы торгового договора имели для России, прежде всего, политико-стратегический интерес, так как объемы отечественной дальневосточной торговли находились на крайне низком уровне. Не собиравшееся российское правительство бесконечно упорствовать и в рыболовном вопросе: оно пыталось лишь оставить под своим контролем стратегически важные и богатые рыбой прибрежные воды, включая заливы, бухты и устья рек²⁰.

Во-вторых, японское политическое руководство крайне серьезно подходило как к политической, так и экономической стороне торгового договора, обещавшего повышение благосостояния не только крупным капиталистам, но и многим предприимчивым подданным империи. В этом смысле влияние торгового и промышленного капитала на внешнеполитический курс Японии было огромным. Можно сказать, что правительство Мэйдзи являлось «национально-демократическим» выразителем интересов японской буржуазии, и в этом состояло коренное отличие японской государственной системы от российского самодержавия.

Япония как нация торговцев и предпринимателей обнаруживала в России не только природные богатства, такие как морские ресурсы, золото, уголь, но и видела в ней потенциальный рынок для своих товаров. Зависимость Японии от западных технологий, всевозможного оборудования и даже товаров широкого потребления ставила ее перед необходимостью изыскивать пути увеличения экспорта товаров с целью получения иностранной валюты. Первые целенаправленные попытки японской стороны «упорядочить» товарооборот с Россией и закрепить на российском рынке обнаруживаются еще до русско-японской войны²¹. События 1904–1905-х годов в некотором смысле приостановили этот процесс, однако после войны усилия японских промышленников на данном направлении возобновилось с новой си-

²⁰ О переговорах по этим вопросам см.: Маринов В. А. Россия и Япония перед первой мировой войной. М., 1974, с. 28–43; Шулатов Я. А. На пути к сотрудничеству. Российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск–Москва. Институт востоковедения РАН, 2008, с. 42–63; Shulatov Yaroslav. Re-establishing Economic Relations between Russia and Japan after the Russo-Japanese War. – The 1907 Treaty of Commerce and Navigation, Acta Slavica Iaponica, t. 24, 2007, p. 100–111.

²¹ См. например: Намиэ Гёфу («Рыбачащий в заливе»). Рококу дзосё то нитиро но канкэй: Нитиро бёэки (Российский министр финансов и японо-российские отношения. Японо-российская торговля). – Иомиури симбун. 29–30.11.1901, № 8775 – № 8776, с. 2.

¹⁷ НГБ. 1906 г., кн. 1. с. 66–68.

¹⁸ НГБ. 1906, кн. 1, с. 68–100.

¹⁹ См. например: АВПА. № 2.5.1.71. Нитиро цусё дзёяку тэйкэцу иккэн (Дело о заключении российско-японского торгового договора), т. 1, с. 641253–641264.

лой. Еще перед началом российско-японских переговоров в мае 1906 г. в Токио возобновило свою деятельность Японо-российское общество, включившее в свой состав в качестве новых членов графа Иноуэ Каору (1835–1915), графа Окума Сигэнобу, виконта Суэмацу Кэнтё (1855–1920), набравшего силу первого президента компании ЮМЖД Гото Симпэя (1857–1929) и многих других представителей политических и экономических кругов Японии числом около 190 человек²². Определяющее влияние на курс Японо-российского общества по-прежнему оказывал первый японский посланник в Санкт-Петербурге Энмото Такэаки (1836–1908), с давних времен испытывавший большой интерес к богатствам Сибири и Дальнего Востока, связанный к тому же тесными узами дружбы с главой дипломатического ведомства Хаяси.

Пионером в деле продвижения японских товаров на российский рынок являлся агент министерства земледелия и торговли Симомура Фусадзиро, посещавший Петербург еще в 1901 г. и сумевший к этому времени наладить тесную связь с крупными российскими капиталистами, в числе которых был некто Минковский. По-видимому, это был кандидат права Соломон Львович Минковский, являвшийся в 1903–1906-х годах почетным консулом японской миссии в Санкт-Петербурге. По сообщению газеты «Иомиури», принадлежавший Минковскому торговый дом занимался среди прочего заготовкой говядины в районах Зауралья (Курган) и Западной Сибири (Томск) и имел свои представительства в Берлине, Париже и Лондоне. Связь между японскими промышленными кругами и Минковским осуществлялась порой через посланника Мотоно. Минковский обещал свою помощь в организации выставок образцов японских промышленных товаров в российской столице. К августу 1906 г. Симомура составил проект устава будущего предприятия и передал его своему представителю Накамура Сётаро, командированному по этим делам в Петербург. Несомненно, что за этим предприятием стояли интересы крупного торгово-промышленного капитала Японии²³.

Таким образом, японская дипломатия в лице посланника Мотоно в полной мере ощущала за собой не только силу армии и флота, но и всемерную поддержку заинтересованных в урегулировании российско-японских отношений и, стало быть, в расширении своих прав в сфере влияния России экономических кругов Японии. По всей видимости, Мотоно как рядовой японский националист не делал различия между позицией военных и капитала, усилия которых лишь дополняли друг друга. Мотоно еще с японо-китайской войны усвоил «военную тактику» борьбы за торгово-промышленные права Японии и зачастую прибегал

на переговорах к жестким, порой ультимативным, заявлениям. Так, 7 ноября (25 октября ст. ст.) Мотоно направил министру иностранных дел Извольскому памятную записку, в которой под угрозой «разрыва настоящих переговоров» требовались значительные уступки в рыболовном вопросе²⁴. Из-за такой неуступчивой позиции Японии к середине ноября 1906 г. переговоры о заключении рыболовной конвенции и по спорным вопросам торгового договора зашли в тупик. В этих условиях, чтобы немного осадить неумеренный пыл японской стороны, российское правительство попыталось придать вопросу общественный размах. Информация о ходе переговоров просочилась в прессу, и с конца ноября на страницах ведущей столичной газеты «Новое время» стали появляться статьи, в которых жестко критиковалась якобы слишком уступчивая позиция российского внешнеполитического ведомства по отношению к Японии. Эти полемические передовицы «Нового времени» обращали на себя пристальное внимание японских дипломатов, опасавшихся подъема патриотических настроений в российском обществе, и регулярно пересылались в Токио²⁵.

Мотоно оставался, прежде всего, полномочным исполнителем воли японского правительства. Его ценность как дипломата состояла, главным образом, в знании иностранных языков, европейском образовании и умении налаживать связи в дипломатических кругах Санкт-Петербурга. Стратегический курс японского государства определялся его «старейшинами» во главе с Ито Хиробуми (1821–1909) и Ямагата Аритомо. А воплощением этого курса в жизнь занимались многочисленные чиновники министерства иностранных дел во главе с Хаяси, под началом которого Мотоно работал некоторое время в Петербурге и на Гаагской мирной конференции 1899 г., а затем в 1902–1905-х годах выстраивал вместе с ним внешнеполитическую линию в Европе. Фигура Хаяси, в бытность послом в Лондоне поставившего свою подпись, как под первым, так и под вторым союзным англо-японским договором, символизировала нерушимость военного альянса Японии с «туманным Альбионом». Непосредственной же подготовкой и правкой текстов российско-японских соглашений занимались, по-видимому, уже указанный выше глава Торгового департамента Исии Кикудзиро и мало-заметный, но крайне влиятельный советник по юридическим вопросам японского МИДа американец Генри Денисон (Henry Willard Denison,

²⁴ Шулатов Я. А. На пути к сотрудничеству, с. 60–62; История внешней политики России: Конец XIX – начало XX в. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997, с. 207.

²⁵ АВПЯ. № 2.6.1-17. Нитиро гёгё кёяку тэйкэцу иккэн (Дело о заключении русско-японской рыболовной конвенции), т. I, с. 455–467. Данная дискуссия в российской печати анализируется в статье: Михайлова Ю. Д. Нитиро сэно-го но росиа но синбун ни миру нитиро канкэй то нихон (Русско-японские отношения в 1906–1910 гг. сквозь призму российских газет). – Росиа то Нихон. Кёдо кэнкю (Россия и Япония. Совместное исследование), сб. VIII, Токио, 2010, с. 78–81.

²² Кутаков Л. Н. Россия и Япония. М., 1988, с. 295.

²³ Нитиро бёки сёся. Симомура Фусадзиро си но дан (Японо-российская внешнеторговая фирма. Рассказ господина Симомура Фусадзиро). – Иомиури симбун, 28.09.1906, № 10525, с. 2.

1846–1914), на личности которого следует остановиться поподробнее. Оставаясь до самой своей смерти в июле 1914 г. на службе в японском дипломатическом ведомстве, Денисон оказывал определяющее воздействие на характер внешнеполитического курса Японии: многочисленные проекты инструкций министра иностранных дел Хаяси посланнику Мотоно во время российско-японских переговоров 1906–1907-х годов также содержат пометки, сделанные американским советником²⁶.

Необходимо также отметить, что, помимо участника Портсмутской конференции Отиай Кэнтаро, в повседневной дипломатической работе всемерную поддержку Мотоно оказывал переводчик миссии Уэда Сэнтаро (1868–1940), один из немногих настоящих специалистов по России²⁷. Можно сказать, что для не владеющего русским языком Мотоно он являлся «ушами» и «глазами». Основная масса информации, почерпнутая из российских газет и журналов, а также из разговоров с различными представителями политических и экономических кругов, поступала в распоряжение посланника именно через Уэда. Уважение, каким Уэда до сих пор пользуется в современных дипломатических кругах Японии, и факты его биографии позволяют предполагать, что именно он, прекрасно говоривший по-русски и имевший широкие связи в российском политическом мире, выстраивал мосты между различными российскими политическими силами и японским дипломатическим представительством. Известный японский дипломат и государственный деятель Сато Наотакэ (1882–1971), служивший тогда в Петербурге в качестве атташе, крайне высоко оценивал роль Уэда в заключении указанных выше соглашений: «При заключении в 1907 г. рыболовной конвенции и других важных соглашений Уэда встречался с различными людьми и оказал нам неоценимую помощь. Дело в том, что у него имелись самые широкие связи в русском обществе, и ему особенно доверяли представители российского МИДа. Из разговоров со своими знакомыми он подспудно улавливал намерения России, что, естественно, чрезвычайно помогало нам при ведении переговоров. Переговоры о рыболовной конвенции в особенности часто натывались на различные сложности, но Уэда прилагал всевозможные усилия для того, чтобы преодолеть эти трудности, и это ему нередко удавалось... Уэда был очень скромный, поэтому об этом людям мало что известно, однако нужно сказать, что роль, которую он сыграл на дипломатической сцене при восстановлении японо-российских отношений, была крайне велика»²⁸.

²⁶ Подробно о личности Генри Денисона см.: *Имаи Сёдзи*. О-ятои гайкокудзин. Гайко (Иностранцы на службе у японского правительства. Дипломатия). Токио, Касима сюпанкай, 1975, с. 159–208.

²⁷ Подробно о нем см.: *Сакагути Тосиоки*. Уэда Сэнтаро дэнно Росиа-цу но сэнкацу гай-коккан (Биография Уэда Сэнтаро. Дипломат-философ и знаток России). Токио, Аси-сёбо, 1985.

²⁸ *Сато Наотакэ*. Футацу но Росиа (Две России). Токио, Сэкай-но нихонся, 1948, с. 25.

Сато Наотакэ приводит в качестве одного из примеров незаурядного таланта Уэда установление им дружеского контакта с представителями ведущей столичной газеты «Новое время». Издаваемая А. С. Сувориным (1834–1912) газета наиболее резко реагировала на ход российско-японских переговоров, обращая внимание на неприемлемость японских требований. В этой ситуации, по свидетельству Сато, Уэда удалось завязать дружеские отношения с редакторами этой газеты – неким «П.», лекции которого он слушал на юридическом факультете Петербургского университета, и неким «Е.» (по-видимому, Е. А. Егоровым. – *Прим. Э. Б.*), что вскоре привело к изменению общего тона газеты в отношении Японии. После сближения с представителями «Нового времени» Уэда представил их посланнику Мотоно²⁹. Когда Уэда удалось войти в контакт с представителями «Нового времени» неизвестно, однако факт остается фактом. К середине декабря публикации газеты стали более умеренными по своему тону и в них стали предлагаться компромиссные варианты разрешения рыболовного вопроса³⁰. Впрочем, российскому МИДу, по всей видимости, было известно о попытке японской дипломатии войти в тесные отношения с редакцией «Нового времени». Министерство посчитало уместным воспользоваться этим удобным случаем для того, чтобы прошупать позицию японского правительства, используя страницы ведущей столичной газеты в качестве рупора двустороннего сближения.

Поворот к двустороннему сближению

К концу 1906 г. на российско-японских переговорах сложилась «платовая» ситуация. Второстепенные вопросы торгового договора и рыболовной конвенции были разрешены, однако Россия отказывалась пойти на полное удовлетворение японских «пожеланий». Японская сторона, в свою очередь, не собиралась снимать свои далеко идущие требования, и в российско-японских отношениях витала крайне неблагоприятная атмосфера соперничества. Стороны исчерпали дипломатические аргументы и в ход пошли другие приемы борьбы. Япония попробовала поиграть «мускулами», в ответ на это Россия попыталась путем газетных кампаний и «салонной» дипломатии сделать вопрос двусторонних переговоров общенациональным и международным. В начале декабря российский император при встрече с французским послом Морисом Бомпаром (Maurice Bompard, 1854–1935) попросил французское и английское правительства оказать давление на Японию, используя горячее желание Токио получить новый заем в Европе³¹.

²⁹ Там же, с. 25–26, 33; Его же. Кайко хатидзюнэн (Восьмидесятилетние воспоминания), с. 93.

³⁰ См.: *Михайлова Ю. Д.* Нитиро сэно-го но росиа но симбун ни миру нитиро канкэй то нихон (Русско-японские отношения в 1906–10 гг. сквозь призму российских газет). – Росиа то Нихон. Кёдо кэнкю (Россия и Япония. Совместное исследование), с. 80.

³¹ См.: *Толстогузов С. А.* Российско-японские отношения и мировая политика. – Вопросы истории, 2008, № 9, с. 26.

Похоже, что тактика министра иностранных дел Извольского заключалась в том, чтобы вместе с оказанием дипломатического давления на Японию со стороны Англии и Франции («кнут») как бы невзначай предоставить японской стороне конкретный план двустороннего урегулирования («пряник»). Российский МИД пытался запустить механизм международного воздействия на Японию и пытался в мягкой форме обозначить свою позицию по отношению к основным проблемам переговоров. Под видом необходимости разъяснения российской публике о действительном состоянии российско-японских переговоров в стенах российского внешнеполитического ведомства был подготовлен текст официального заявления, согласованного с самим Мотоно. В тексте заявления российская сторона ясно показывала, что не собирается в одностороннем порядке признавать положение о беспопылинном ввозе японских товаров в Россию через маньчжурскую границу, разрешать учреждение японских консульских представительств на Дальнем Востоке, идти на значительное упрощение паспортных формальностей, признавать право японцев на судоходство по Сунгари, и готово лишь предоставить уступки «на условиях взаимности» и на правах режима наибольшего благоприятствования. В отношении рыболовной конвенции российское правительство прямо заявляло, что «не может принять первоначальное предложение Японии», предполагавшее, по его мнению, более расширенные права по сравнению с теми, о которых говорилось в Портсмуте. Можно сказать, что это был официальный ответ японскому правительству: российская сторона показывала, что хочет продолжать переговоры, но отказывается полностью удовлетворить пожелания Японии. Мотоно сразу же сообщил в Токио о содержании официального заявления российского дипломатического ведомства³².

Мотоно как раз собирался ненадолго оставить свой пост в Петербурге и направиться в Париж для встречи Нового года. В день отъезда Мотоно в Париж, 30 декабря, официальное заявление российского МИДа по поводу российско-японских переговоров, где обозначались основные спорные проблемы этих переговоров и пределы возможных российских уступок, было опубликовано в российской печати. В тот же день, перед самым отъездом, в беседе с Мотоно Извольский сообщил о новой инициативе российского МИДа. Он открыто намекнул японскому посланнику о том, что российское правительство готово пойти на дополнительные уступки, если Япония предоставит России свои гарантии безопасности российских азиатских владений³³. Нет сомнения, что обе инициативы были составляющими одного большого плана, направленного на прорыв в российско-японских отношениях.

³² АВПЯ. № 2.5.1.71. Нитиро цусё дзёяку тэйкэцу иккэн (Дело о заключении российско-японского торгового договора), т. 1, с. 641400–641404.

³³ НГБ. 1907 г., кн. 1. Токио: министерство иностранных дел Японии, 1960, с. 97.

Ясно, что указанное выше заявление МИДа предназначалось не столько для российской публики, сколько для публики европейской. Сообщая о ходе переговоров, российская сторона показывала, что укреплению ее отношений со странами Антанты мешают вопросы российско-японских отношений и слишком настойчивая позиция японского правительства. Уже 31 декабря заявление российского МИДа было помещено на страницах газеты «Фигаро», а парижская газета «Эко де Пари» опубликовала специальное сообщение петербургского корреспондента «Дейли телеграф», влиятельного в российских политических кругах журналиста Эмилия Диллона (Emile Joseph Dillon, 1855–1933), озаглавленное «Русско-японские переговоры: Соглашение возможно». Затем, в первые дни января сначала в лондонской «Дейли телеграф», а затем на страницах все той же «Эко де Пари» была помещена развернутая статья Диллона, в которой говорилось о желательности русско-японского сближения³⁴.

Как бы в ответ на сообщение российского МИДа и заметки Диллона во французской печати тотчас же появились интервью с японским посланником Мотоно. В интервью ведущей парижской газете «Ле Тан», появившимся на ее страницах уже 2 января 1907 г., японский посланник обрисовал ход российско-японских дипломатических переговоров и попытался заверить французскую публику в их успешном завершении. Он сообщил, что переговоры о заключении договора о торговле и мореплавании почти завершились за исключением вопросов учреждения новых консульских учреждений и вопроса паспортных формальностей. Он также заявил, что 1) *Япония не вынашивает империалистических замыслов на Дальнем Востоке*; 2) *вопрос судоходства по Сунгари является лишь выражением внешнеполитического курса на «открытие Маньчжурии» и не является препятствием к нормализации двусторонних отношений*; 3) трудности, с которыми столкнулись стороны на переговорах по рыболовной конвенции, связаны исключительно со сложностью четкого определения таких терминов как «залив» и «прибрежные воды»³⁵. Несомненно, что начавшаяся было в российской и

³⁴ Les Négotiations Russo-Japonaises: L'Entente est probable (Service spécial de L'Echo de Paris), L'Echo de Paris, № 8237, 31 Decembre 1906, p. 3; Les Négotiations Russo-Japonaises, L'Echo de Paris, № 8241, 4 janvier 1907, p. 3. См. также: Михайлова Ю. Д. Нитиро сэно-го но росия но синбун ни миру нитиро канкэй то нихон (Русско-японские отношения в 1906–10 гг. сквозь призму российских газет). – Россия то Нихон: Кёдо кэнкю (Россия и Япония: Совместное исследование), с. 78–81; Толстогузов С. А. Российско-японские отношения и мировая политика. – Вопросы истории. 2008, № 9, с. 26.

³⁵ Les Relations Russo-Japonaises: Déclarations de S. Exc. M. Motono, Ambassadeur de Japon en Russie, Le Temps, № 16630, 02.01.1907, p. 1; Мотоно коси гэммэй (Заявление посланника Мотоно). – Иомиури симбун. 05. 01. 1907, № 10624, с. 2; Нитиро данпан но кэйка (Ход японо-российских переговоров). – Иомиури симбун. 06.01.1907, № 10625, с. 2; Мотоно коси но бэнмэй (Пояснения посланника Мотоно) – Иомиури симбун. 24.02. 1907, № 10674, с. 2.

французской прессе кампания, исподволь обращавшая внимание европейской публики на агрессивные устремления японской дипломатии, слегка озадачивала японских дипломатов и заставляла их принимать ответные меры. Еще бы: на кону стоял успех японо-французских переговоров и будущее финансовых отношений между Парижем и Токио. В указанном смысле, слова японского посланника служили приглашением к дальнейшему сотрудничеству по отношению к парижским финансовым кругам, обозначали возможные уступки японской стороны на российско-японских переговорах и в известной степени являлись попыткой предотвратить нежелательную для японской стороны увязку вопроса российско-японских переговоров с вопросом предоставления Японии нового займа. 5 января еще одно интервью с японским посланником появилось на страницах «Эко де Пари»³⁶.

Любопытно, что в начале января 1907 г. одновременно с Мотоно в Париже находился и французский посланник в Петербурге Бомпар, который 8–9 января посетил японского посланника Курино и сообщил ему принципиальную позицию российского правительства насчет спорных вопросов торгового договора и рыболовной конвенции: «Должно быть, Россия в известной степени пойдет на признание японских пожеланий в отношении договора о торговле и мореплавании. Что касается рыболовного вопроса, то... он может породить множество проблем и, вероятно, потребует тщательнейшего изучения. Позиция России, основанная на приверженности в разрешении всех вопросов духу портсмутского мирного договора, не претерпит изменения и в дальнейшем, однако Россия не собирается уступать Японии в вопросе судоходства по Сунгари. Последнее исходит не только из опасений торгово-промышленного соперничества, но и объясняется некой подозрительностью по отношению к Японии с военной точки зрения». Днем позже министр иностранных дел Франции Пишон (Stéphane Pichon, 1857–1933) в беседе с Курино прямо сообщил о просьбе союзной России не предоставлять заем японскому правительству, пока не будут урегулированы российско-японские отношения, и намекнул на желательность скорейшего завершения двусторонних переговоров в качестве условия предоставления Японии нового кредита³⁷.

Предполагается, что Мотоно вернулся в Санкт-Петербург к русскому Новому году, согласно своим первоначальным намерениям. 18 января японскому посланнику была передана телеграмма, в которой официально сообщалось о содержании беседы Курино с Пишоном, состоявшейся 9–10 января. Скорее всего, Мотоно узнал о ее содержании из уст самого Курино, когда еще находился в Париже, однако он ждал указаний

сверху. Мотоно как ответственному за ведение переговоров и за отстаивание национальных интересов Японии не годилось самому отказываться от требований и предлагать варианты сближения с Россией, однако высказывания министра Франции на этот счет давали ему основания немного «сбавить пыл» и высказать свой взгляд на вопрос двустороннего урегулирования. В телеграмме от 19 января на имя министра Хаяси, наконец-то сообщая своему начальству о разговоре с Извольским от 30 декабря, Мотоно писал: «На мой взгляд, *первостепенная задача Японии состоит сейчас в обеспечении настоящего мира на Дальнем Востоке и усилении национальной мощи Японии. В этих условиях мне думается, что в случае выдвижения Россией соответствующих предложений, есть необходимость внимательно изучить их, однако, если императорское правительство [Японии] считает, что лучше не приступать к началу соответствующих обсуждений, я мог бы принять некоторые косвенные меры к тому, чтобы предотвратить это.* В связи с вышеуказанным прошу сообщить мне для сведения Ваше мнение»³⁸. Таким образом, Мотоно до поры до времени не спешил знакомить свое начальство с новыми инициативами России, пытаясь достигнуть те цели, которые были перед ним поставлены, и терпеливо выжидал, на какие еще уступки решится пойти российское правительство. Как человек, хорошо понимающий и принимающий законы субординации, он согласился приступить к переговорам по заключению политической конвенции и отказаться от слишком жестких требований по отношению к России только после получения им соответствующей инструкции от министра иностранных дел Хаяси от 2 февраля 1907 г.³⁹ В дальнейшем на переговорах с российской стороной Мотоно также нередко прибегал к ультимативной риторике.

К этому времени стало очевидно, что Россия и Япония, не могущие в полной степени доверять друг другу, желают привлечения к данному соглашению влиятельных европейских партнеров. Обе стороны были заинтересованы в укреплении отношений как с европейским «банкиром» Францией, так и с «владычицей морей» Великобританией. Российская дипломатия умело использовала заинтересованность Франции в России и через Париж подталкивала Японию к заключению «соглашения о дружбе» с Россией. В то же время Россия попыталась воспользоваться и заинтересованностью Лондона в полной нормализации отношений с Россией, намекая на преждевременную необходимость урегулирования всех спорных вопросов с дальневосточной союзницей Великобритании. В указанном смысле, приближающееся заключение франко-японского общеполитического соглашения и прорыв в англо-российских отношениях оказали решающее воздействие на прогресс в двусторонних переговорах.

³⁶ Marcel Hutin, Comment le Nouvel Ambassadeur du Japon a Saint-Petersbourg raconte l'accueil qui lui a été fait en Russie. Ce que dit M. Motono, L'Echo de Paris, № 8242, 05.01.1907, p. 1.

³⁷ НГБ. 1907 г., кн. 2. Токио: Министерство иностранных дел Японии, 1961, с. 47–48.

³⁸ НГБ. 1907 г. Кн. 1, с. 97–98.

³⁹ НГБ. 1907 г. Кн. 1, с. 98.

Японская сторона, заполучившая в результате войны огромные «маньчжурские владения», была ограничена в своих рычагах воздействия на Россию и поэтому была вынуждена в известной мере считаться со своим бывшим соперником, не желая навлечь гнев России на свою голову. Кроме того, экономические круги Японии выказывали острую заинтересованность в открытии для себя парижского финансового рынка, что невозможно было сделать без нормализации отношений с Россией. Все указанное выше и предопределило курс на «дружественное сближение», отчетливо проявившийся на переговорах с начала февраля 1907 г.

Что касается самого Мотоно, то необходимо подчеркнуть, что он последовательно и жестко отстаивал на переговорах национальные интересы своей страны и интересы крупного торгово-промышленного капитала Японии. По мнению автора данной статьи, нет никаких оснований рассматривать его как принципиального «русофила», как, впрочем, не обнаруживаются в его мировоззрении и ощутимые «русофобские» нотки. Он являлся дипломатом-прагматиком и именно поэтому в российской прессе его называли иногда «представителем политики здравого смысла»⁴⁰.

⁴⁰ Примером несколько иного понимания роли Мотоно в процессе русско-японского сближения 1906–1917 гг. является следующая статья: *Савельев И. Р.* Нитиро канкэй но «огон дзидай» о котику ситэ: Мотоно Итиро то нитиро сэкин, 1906–1916 (Созидая «золотой век» русско-японских отношений: Мотоно Итиро и русско-японское сближение 1906–1916 гг.). – Россия то Нихон: Кёдо кэнкю (Россия и Япония: Совместное исследование). Сб. VIII. Токио: Сэйбунся, 2010. с. 93–103.

Знакомство с Европой. Миссия Такэноути в Великобритании

М. К. Ковальчук

Известно, что середина XIX в. стала переломным моментом в истории Японии. В 1854 г., уступив давлению США, она отказалась от «политики закрытых дверей», которой придерживалась более двух веков, и подписала первый торговый договор с западной державой. С его подписанием японское государство вступило в новый для него мир международного общения. В последующие годы аналогичные договоры были подписаны Японией и с другими странами, в том числе с Россией, Францией и Великобританией. В начале 1860-х годов, пытаясь освоиться в незнакомой системе международной дипломатии, правительство сёгуната приняло решение направить в западные страны ряд официальных делегаций.

В 1860 г. дипломатическая миссия была направлена в США. Не удивительно, что именно эта страна была выбрана для первого официального визита представителей японского государства, поскольку Соединенным Штатам принадлежала пальма первенства в открытии Японии. Однако решение сёгуната, вызвало неодобрение дипломатических представителей Великобритании и Франции. Последние считали, что США не имеет никаких приоритетных прав по отношению к другим европейским странам, имеющим с японским правительством торговые договоры.

После возвращения посла Симми Масаоки и его коллег из Америки британский посланник Разерфорд Элкок стал активно продвигать идею о необходимости отправки новой миссии, на этот раз в Европу. Элкок подчеркивал, что, познакомившись с европейскими странами, японцы смогли бы составить более объективное представление о западном мире, в частности, увидеть и осознать силу и мощь Великобритании и великолепие ее Королевского Двора. По мнению Элкока, это помогло бы им пересмотреть свои излишне восторженные впечатления от поездки в США¹.

Услышав о том, что во время пребывания в Вашингтоне членам миссии было предписано вести себя в соответствии с их высокими самурайскими званиями, другими словами сдержанно, не проявляя излишнего любопытства при осмотре американской столицы, Элкок попытался

¹ *Beasley W. G.* Japan Encounters the Barbarian. Japanese Travellers in America and Europe. London, 1995, p. 72.